

В синтаксическом плане в речи мужчин в связи с популярностью императива и прямой тактикой воздействия, самым распространенным способом выражения просьбы являются повелительные предложения, а в речи женщин – вопросительные.

Литература

1. Брутян Л.Г. Язык и гендер. Е. : Междунар. академия философии, 2008. 150 с.
2. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / под ред. В.И. Герасимова. Благовещенск : БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М. : Рус. яз., 1990. 246 с.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М. : Академия, 2010. 208 с.
5. Потапова Т.А. Косвенные высказывания // Вестник тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2009. № 3 (71). С. 167-171.
6. Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: сб. статей. Вып. XVII. Теория речевых актов / под ред. Б.Ю. Городецкого. М. : Прогресс, 1986. С. 195-283.
7. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Воронеж : Истоки, 2012. 178 с.

УДК 801.8

ЭФФЕКТ КАТАЛОГА В ПОЭЗИИ НАТАЛЬИ ГРАНЦЕВОЙ

В.К. Харченко

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Россия*

Статья посвящена анализу различных подходов в использовании приема каталога в художественной литературе. На основе анализа сборника стихов поэтессы Натальи Гранцевой автор раскрывает изобразительные и лингвистические возможности данного приема в оказании поэтического воздействия на читателя.

Ключевые слова: *художественный текст, поэтический текст, каталог, поэтика, лингвистика*

Проблема «каталоги и жанр» относится в современной отечественной лингвистике к числу проблем, практически не разработанных. Мы пытались рассмотреть эту взаимосвязь на материале семейного родословия [8; 194-199]. Согласимся, однако, что ещё большего внимания требует исследование фе-

номена каталога в художественной литературе, особенно в поэзии. Здесь обычно приводят модельный пример из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина: *Мелькают мимо будки, бабы, / Мальчишки, лавки, фонари, / Дворцы, сады, монастыри, / Бухарцы, сани, огороды, / Купцы, лачужки, мужики, / Бульвары, башни, казаки, Аптеки, магазины моды, / Балконы, львы на воротах / И стаи галок на крестах.*

Собственно, проблему каталогов впервые поставил Умберто Эко. «В те самые дни, когда я находилась в Германии, Умберто Эко дал интервью журналу «Шпигель». Он говорил, что список – исходная точка культуры. Список, каталог, энциклопедия, собрание в музее, завещание, донжуанский список, даже список покупок – всё это помогает держать в узде хаос. Когда описываем, мы боремся со смертью» [1; 116]. «В духовной культуре различные объекты реальности упорядочиваются в конгруэнтные системы, каждая из которых образует своего рода код ботанический, ономастический, этический, социологический», – читаем в реферате книги о зоокультуронимах [6; 55].

В наиболее развёрнутом виде идея лингвистической оптики каталогов была убедительно прочерчена в статье А. Жолковского «Каталоги» [3; 223-234], в которой, в частности, говорится о комическом эффекте перечислений в детской поэзии. *Дама сдавала в багаж / Диван, чемодан, саквояж, / Картину, корзину, картонку / И маленькую собачонку.* Вспоминается и другой пример уже не из детского стихотворения, а из детской песенки: *Хозяйка однажды с базара пришла, / Хозяйка с базара домой принесла / Капусту, картошку, морковку, горох, / Петрушку и свёклу, о-оо-ох*. Комический, игровой эффект обусловлен многократным повторением заявленной цепочки (с диваном, чемоданом... или с капустой, картошкой...).

Каталог – это перечисление, свод обозначений каких-либо предметов в широком смысле слова. Если речь идёт о высокой поэзии, то приводят также знаковое стихотворение Афанасия Фета, целиком построенное на номинативных предложениях: *Шёпот, робкое дыханье, трели соловья, / серебро и колыханье сонного ручья...* Каталог ли это? Скорее нет, чем да. Обрисовка весны прекрасно выделенными мазками в качестве простого перечисления, с акцентом на перечислительности в отличие от предыдущих примеров, однако, не воспринимается. По-видимому, грань между перечнем и обрисовкой весьма тонка.

Возникает серия вопросов. Свойственно ли вообще поэзии перечисление? Какие поэты и когда прибегают к каталогам? Является ли это чертой индивидуального стиля автора, то есть одним из свидетельств, примет его идиостиля? В чём, наконец, выигрыш от подобных перечислений? Поставленные вопросы требуют поиска авторов, склонных к каталогу. Для нас таким поэтом стала Наталья Гранцева (г. Санкт-Петербург), автор ряда поэтических сборников, в частности «Мой Невский, ты – империи букварь» [2], который и подлежит дальнейшему рассмотрению.

Каждый поэт стремится к выработке своего уникального стиля, становящегося визитной карточкой творца. Инструментарий для этого берётся, как правило, стандартный: метафоры и сравнения, гиперболы и литоты, эпитеты и перифразы. Причём у сильных поэтов (*strong poets*) постепенно накапливается свой собственный словарь метафор, сравнений, гипербол etc.

Если вести речь об индивидуальных приоритетах поэтессы, то в этом ряду первое место, безусловно, займёт перифраза. Наталья Гранцева явное предпочтение отдаёт перифразированию ожидаемого читателем или уже обозначенного автором слова. *О каталог одиночеств, / Белый словарь холодов!* [2; 70]; *Как советское кино – / Ангел веры простодушной* [2; 118]; *Государыня севера, нимфа Невы, / Просвещенья богиня в гвардейском мундире...* (о памятнике Екатерине II) и далее: *Июньский покой – / Белостенная чашка крепчайшего «мокко».* / *Десять медных копеек за термин морской – / Инвестиция мудрости, воли мужской, / Милость бедным, источник цветенья барокко* [2; 184].

Поэтесса также стремится к точности эпитета, становящегося выразительным, подчас метафорическим, ёмким. *Грузят лес золотой на суда* [2; 30]; *Лет бы тысячу плыть – да не вечная жизнь коротка* [2; 26]; ... *На графитовый блеск дорогих площадей* [2; 46], *Пудовым сном твой дом объят...* [2; 49]; *Как свидетели чуда, послы и врачи / Время шагом сафьяновым меряют* [2; 50]; *Византийская осень в России царит, / Синим пламенем милое небо горит...* [2; 112]; *И труд случайный валится из рук...* [2; 115]. Может, потому и валится, что «случайный»? Здесь эпитет конденсирует в себе целый афоризм. В следующей строфе, наоборот, эпитет в афоризме аккумулирует психолого-философское начало: *Пусть лжецом рождённый лжёт, / А рождённый светом – светит. / Жизнь согреет и сожжёт, / На немой вопрос ответит* [2; 118].

Поэтический афоризм поэтесса стремится насытить эмоциями. *Спасибо, жизнь, что даришь запятые, / Существованье длящее словами. Что светишь храмов грозными главами / И таинства, как годы, умножаешь, / И медлишь, если с выбором решаешь...* [2; 45]; *Не жди, когда тебя осудят / Чужие камни собирать. / Другого времени не будет, / Чтоб выиграть – или проиграть* [2; 96]. *Синева на переплетах окон, / Певчий тополь в листовном дыму. / Как душа могла быть одинокой? Боже милосердный, не пойму!* [2; 104]. *На языке случайностей с небес / Бог с нами разговаривает тихо* [2; 145].

Наталья Гранцева стремится к поэтизации не самого известного термина, делая его «ручным», точнее подручным, нужным ещё и поэтическому языку. *Транспарентно вещество обозримого пространства* [2; 179]; *Источник света – на кресте, / Он наг без жизни-телогрейки, / Гомеоморфен пустоте, / Всё прочее – разрывы, склейки* [2; 81].

Это не простая поэзия. Лексическим разнообразием используемого языка Наталья Гранцева напоминает другого поэта Беллу Ахмадулину, которая, по известному определению Евгения Попова, «и о простом, и о сложном старается писать сложно» [5; 54].

Обобщим уже сказанное: лингвистически Наталья Гранцева весьма интересный автор. «Лингвистически» – поскольку своими творческими удачами поэтесса развивает, расширяет, углубляет эстетику родного русского языка.

Вместе с тем в наборе инструментов поэтического воздействия у Натальи Гранцевой есть приём, который заслуживает отдельного рассмотрения. Это каталоги. Для одного сборника их немало. Впрочем, «немало» их подчас и для одного стихотворения. Отметим, какие выигрыши даёт использование поэтессой приёма каталога.

Первый выигрыш (нумерация несколько условна!) заключается в максимальном расширении глоссария, лексикона, причём на уровне всего лишь одного, по объёму, как правило, небольшого стихотворения. Гарольд Блум писал, что сильные поэты (*strong poets*) создают свой словарь, тогда как остальные пользуются готовым словарём. В каком-то смысле стихотворение есть зеркало языка в целом, есть целостное отражение фрагмента жизни: *...Древесный мир построек пятистенных, / Печей, колодцев, изгородей бранных, / Дождями переполненных корыт. ... Он речь забыл, и он не помнит тела. / Суставы, мышцы, сухожилья, кровь...* [2; 115]. В этом стихотворении («Как запотевшим полиэтиленом...»), дабы усилить впечатление «тела», перечислены его составляющие: *суставы, мышцы...* Высокий эпитет бранные оживляет образ изгородей, а *переполненные дождями корыта* общую картину стиха делают восхитительно узнаваемой.

Таким образом, второй выигрыш «перечислений», или каталогов, заключается в свободе языкового их расширения, в свободе то подключения, то не подключения детали, подробности. Где-то эти уточнения имеют место, но стихотворение нередко обходится и вовсе без них.

Третий выигрыш, также связанный с первым, касается ввода принципиально нового слова, точнее «редкого» слова, слова из пассивного лексикона языка, причём у Натальи Гранцевой это не только «редкие» нарицательные имена, но и имена собственные. Стихотворение начинает выполнять не свойственную ему обучающую, просветительскую функцию, расширяя наши сведения, например, о композиторах: *Русской сирени романс, / Лунная поступь во сне... / Моцарт, Вивальди, Сен-Санс, / Бах, Альбиниони, Массне... Сложат загадку из тайн, / Сдвинут судьбы материк... / Дворжак, Свиридов и Гайдн, / Шуберт, Каччини и Григ...* [2; 105]. Здесь срабатывает выигрыш от эффекта новизны. О ценности науки о новизне пишет Александр Со-сланд [7; 40]. В каком-то смысле потребитель информации, в том числе поэтической, изначально ждёт «чего-то новенького», а приём каталога, контекста из группы аналогов как раз и позволяет догадаться, о чём или о ком идёт речь, например, узнать, что среди композиторов были, оказывается ещё и Антониони, Каччини.

Пятый выигрыш от использования каталогов заключается в мощи их ассоциаций. В поэтическом тексте этот эффект обусловлен «грамматикой ввода», а именно предпочтительным употреблением слова в именительном падеже. Из-

вестно, что чем меньше слово закреплено в синтагматическом яду, тем больше ассоциаций оно вызывает [4: 222]. Это касается и одного слова (феномен Именительного темы) и, тем более, это касается словесных множеств, каталогов. В каталогах преобладает именительный падеж, хотя жёсткой привязки здесь не наблюдается. С винительным падежом уже начинаются сложности, особенно если это существительные первого склонения. Сравним: ... *В мозаику сложил, обняв речной волною / Сапфир, обсидиан, топаз и сердолик* [2; 185]; *Он задаёт нам троичу констант – / Прецессию, эклектику, орбиту* [2; 48]. *Что ты ищешь, ангел милый, / по пустым следам идя? / Реликварии? Могилы? / Тайну русского дождя? Ничего здесь больше нету. / Лебеда, тимьян, ковыль. / Бессловесные заветы, / Память, стёршаяся в пыль* [2; 83].

В прямых падежах каталоги как раз и заметны, тогда как в косвенных падежах они приближаются к градации и перечислительность уходит на второй план. *В атомизированной тьме, / В космогоническом круженье, / В аду, во льду, в огне, в тюрьме – Сражаться за преображенье!* [2; 82].

Мы не случайно начали свой разбор поэтических строк, строф, стихотворений Натальи Гранцевой с тропов: перифраз, эпитетов, намекая, что есть интересные метафоры, градации, литоты и пр. Это всё окружает каталоги и проникает в каталоги.

Расположение каталогов тоже весьма интересно. Иногда на приёме каталога строится стихотворение целиком, как например, «Жизнь обернётся – с мольбой и тоской...», где каждая строфа завершается строкой с перечислением: *Ирис, звезда, космоя, левкой... Дуб, можжевельник, боярышник, клён... Мчатся стрекозы, стрижи, облака... Прогноз, Регул, Арктур, Антарес* [2; 163].

В стихотворении «Ещё цветут у дома георгины» в последней строфе использован приём «почти каталога», когда перечисляются пары «предметов»: *Забилась в щели науки и мухи, / Подёрнулись туманом зеркала. / Село хранят полканы и старухи* [2; 108].

Иногда каталоги образуют рамочную структуру: с них начинается стихотворение и ими завешается перед итоговой сентенцией: *Где жили птицы, звёзды и атланты, / Теперь спуют барыги-спекулянты, / Кладовицики, разделочники мяса, Лохобароны, умоточцы в рясах ... Теперь мы не герои и не птицы, / Мы – тлен и сор, кусочки чёрствой пиццы. Мы – стёртый файл, изоморфизм планктона, / Прах типографский, компонент бетона. / Повеситься? Взорваться? Утонуться? – / Но если неть – то выше на полтона!* [2; 78].

В начале статьи мы упоминали о каталогах в детской поэзии. В стихотворении «Не пора ль копать картошку?» Наталья Гранцева обыгрывает известную детскую считалку с перечислением: «*За золотом крыльце сидели*»... / *В самом деле? – Царь с портным? / Страх с восторгом? Плач с весельем? / Утро с ночью? С камнем дым? И дальше: Мы не знаем, что играем. / Мы живём, махнув рукой. / Мы, играя, выбираем: кто же буду я такой? / Одиссей? Сократ? Петрарка? / Фауст? Гамлет? Сирано? / Голубого неба арка, / речи грубое рядом* [2; 106].

Мы щедро иллюстрируем изложение, но примеры хочется множить и множить – настолько своеобразен и интересен буквально каждый поэтический текст, сотканный рукой мастера. Кстати, слова «текст» и «текстиль» этимологически родственны.

Для автора, однако, каталоги отнюдь не простое удовольствие: они требуют, во-первых, соразмерности, требуют пластики ввода, а во-вторых, при всей мощи постулируемых ими ассоциаций при выборе второго, третьего, четвёртого компонента в перечне как раз от ожидаемых, банальных ассоциаций поэтесса и отказывается. После *Одиссея Сократ?* После *Дворжаса Свиридов?* После *Проциона Регул?* После *полканов – старухи* (впрочем, полкан – кличка не самой престижной собаки, как не престижна, увы, и сама старость!). За счёт смысловой дельты, отказа от ожидаемых, точнее более ожидаемых звеньев усиливается и сам по себе эффект каталога. В этом плане выше упоминавшиеся классические строки «Шёпот. Робкое дыханье. Трели соловья...» всё же содержат признаки не только обрисовки, но и каталога, перечисления.

Спрашивается, почему же столь интересный приём не изучали отдельно. Скорее всего, потому, что каталоги, по принципу четырёх известных кругов П. Эйлера, а именно по принципу кругов с частичным наложением, соотносятся с хорошо изученными однородными членами предложения.

Однородные члены – это далеко не всегда каталоги. Каталоги – это далеко не всегда однородные члены. В первом случае достаточно «диады», но для каталога двух компонентов недостаточно. Во втором случае каталог как приём явно противится другим частям речи, помимо имени существительного, тогда как однородные члены предложения грамматически весьма разнообразны, «всеядны».

«Несмотря на то, что выделенными могут быть различные части речи в различных формах, далеко не все из них обладают одинаково широкими ассоциативными связями. Наиболее активными в этом отношении оказываются выделенные номинативы (особенно имени существительного), так как именно со словом в исходной форме связываются в нашем сознании сходные и смежные понятия. <...> Семантика имени существительного (выражение предметности) оказывается наиболее удобной почвой для сопоставления понятий. Кроме того, ни одна часть речи не выражает столь полно и последовательно все проявления действительности (и собственно предметы, и качества, и действия, и состояния), как имена существительные» [4; 222].

До сих пор мы вели речь о выигрышах, эффекте каталога применительно к читателю, адресату сборника стихов. Однако есть ещё один потенциальный выигрыш применительно уже к лингвисту-исследователю. Свежее, неожиданное соположение понятий в каталожных цепочках, списках позволяет также рассмотреть и сложнейшую проблему дистрибуции концептов в языке поэзии. Впрочем, это уже отдельная тема исследования.

Литература

1. Глущенко И. Старые вещи // Знание-сила. 2010. № 7. С. 112-116.
2. Гранцева Наталья. «Мой Невский, ты – империи букварь...». Книга стихов. СПб. : Изд-во «Журнал Нева», 2009. 196 с.
3. Жолковский А. Каталоги // Звезда. 2014. № 6. С. 223-234.
4. Максимов Л.Ю. О соотношении ассоциативных и конструктивных связей слова в стихотворной речи // Русский язык: сборник трудов. М., 1975.
5. Попов Е. Вечная музыка Беллы Ахмадулиной // Новое время / New Times. М. : Новое время, 2010. № 41. С. 54-55.
6. Реферативный журнал. Социальные и гуманитарные науки. 2014. № 2.
7. Сосланд А. Влечение к новизне // Знание-сила. 2006. № 8. С. 40-46.
8. Харченко В.К. Каталоги и жанр: феномен перечисления в родословном дискурсе // Мова. Свідомість. Концепт: зб. наук. статей / ред. О.Г. Хомчак. Вип. 6. Мелитополь : МДПУ ім. Б. Хмельницького, 2016. С. 194-199.

УДК 81-139

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ПОЛЕВЫХ СТРУКТУР В ЛИНГВИСТИКЕ

У.В. Новикова, Н.Ю. Зимина

Кубанский государственный технологический университет, Россия

В статье рассмотрены некоторые подходы к изучению теории поля художественного текста в лингвистике. Предпринята попытка проанализировать различные способы интерпретации теории поля в трудах отечественных и зарубежных ученых. Делается вывод о том, что теория полевых структур, в рамках которой развивается теория семантического поля, восходит к лингвистической традиции и основана на отношениях «центр – периферия».

Ключевые слова: *поле, художественный текст, теория поля, полевая структура*

Само слово «поле» в русском языке многозначно, оно обозначает некое пространство, территорию, участок, совокупность элементов. Термин «поле» используется многими науками: в математике существует алгебраическое поле, в физике – электромагнитное, гравитационное. Японский архитектор Тангэ Кэндзо архитектурные объекты рассматривает как тексты культуры, состоящие из совокупности знаков, а городское пространство – как коммуникативное поле.